

По Гегелю, потребность человека в искусстве объясняется тем, что:

1. Он хочет познакомиться с другими культурами и системами знания через произведения искусства.
2. Ему необходимо духовно осознать внутренний и внешний мир, осознать собственное «я».
3. Он желает получить новые впечатления и ощущения, не покидая при этом границ привычного мира.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

| СОДЕРЖАНИЕ

Георг Гегель. «Человек бессмертен благодаря познанию»	5
Искусство раскрывает истину	7
Предисловие	9
I. Установление границ и защита эстетики ...	11
II. Способы научного изучения красоты и художественного творчества	41
III. Понятие прекрасного в искусстве	62
IV. Деление	170
Георг Гегель. Избранные афоризмы	220



Георг Вильгельм Фридрих Гегель
1770–1831

Георг Гегель. «Человек бессмертен благодаря познанию»

Без сложной, многослойной и глубокой философской системы Георга Гегеля невозможно представить историю мировой философии.

Вторая половина XVIII — начало XIX столетия в Европе — это торжество эпохи Просвещения с ее идеями свободы, могущества человеческого разума, всеислия науки. И классическая немецкая философия (или немецкий идеализм), ключевой фигурой которого был великий Гегель, ставит во главу угла вопросы познаваемости мира, приоритета духовного над материальным, места человека во Вселенной.

Как и его «коллеги по цеху» — Иммануил Кант, Иоганн Фихте — Гегель не ограничивал себя какой-то одной темой, его занимали проблемы политики, логики, права, тайны искусства и природы... Его книги непросты для восприятия, но если вы решитесь познакомиться с ними, то наверняка согласитесь, что в философии Гегеля преломляется вся мировая мудрость за несколько

столетий! Его идеи об «абсолютном духе», являющемся основой бытия, его понимание красоты, сущности религии, закономерностей исторического процесса вызывали бурные дискуссии две-сти лет назад... Не менее интересны они и сейчас, в начале XXI века.

27 августа 1770 — Георг Гегель родился в Штутгарте.

1788–1793 — обучение в Тюбингенском теологическом институте.

1807 — опубликован труд Гегеля «Феноменология духа».

1812–1816 — выходят три части основополагающего труда Георга Гегеля «Наука логики».

1816 — Гегель занимает место профессора философии в Гейдельбергском университете.

1817 — издается крупная работа Гегеля «Энциклопедия философских наук». В этом же году философ впервые читает курс лекций по эстетике.

1818 — философ становится профессором Берлинского университета.

Ноябрь 1831 — Георг Гегель умирает (предположительно от холеры).

1835 — выпущен первый том «Лекций по эстетике».

Искусство раскрывает истину

Понятие «эстетика» производят от греческого «αἶσθησις» — «чувство, чувственное восприятие». В его современном значении — «учение о формах прекрасного, наука об искусстве» — термин «эстетика» начал использоваться лишь в середине XVIII века. Чем определяется прекрасное? Божественной волей или творческой энергией художника? Почему нас так привлекает красота, почему в тяжелые моменты жизни нас спасает созерцание картин, природных ландшафтов, почему наши души умиротворяет музыка?

Георг Гегель, конечно же, не мог пройти мимо этих вопросов. В первой трети XIX века он прочитал несколько курсов лекций по эстетике в немецких университетах, правда, опубликовать их не успел — остались только подготовительные записи и черновики. Уже после смерти великого мыслителя его ученики и единомышленники собрали воедино эти материалы — и ныне мы предлагаем вам познакомиться

с фрагментом исследований Гегеля об эстетике как философской категории, о сути прекрасного, о цели искусства и его месте в жизни человека.

Изменилось ли с течением времени понятие «красота»? Стали ли мы воспринимать великие шедевры иначе, нежели видел их древний грек или человек эпохи Просвещения? Мы приглашаем вас в сложный, но увлекательный мир философии Георга Гегеля!

| Предисловие

Эти лекции посвящены *эстетике*; ее предметом является обширное *царство прекрасного*, точнее говоря, область *искусства* или, еще точнее, — *художественного творчества*.

Правда, термин «эстетика» не совсем подходит к нашему предмету, ибо эстетика означает, скорее, науку о чувстве, *чувствовании*. Понятая таким образом, эстетика возникла в школе Вольфа в качестве новой науки или, по крайней мере, в качестве зачатка будущей философской дисциплины. Тогда в Германии было принято рассматривать художественные произведения в связи с теми чувствами, которые они должны вызывать, — например, чувством приятного, чувством восхищения, страха, сострадания и т. д.

Так как название «эстетика» неудачно и носит поверхностный характер, возникли попытки создать другой термин. Предлагали, например, слово *каллистика*¹. Однако это название также представляется неудовлетворительным, ибо наука, о которой идет речь, рассматривает

¹ От греч. *ακαλλος* (калос) — красота.

не прекрасное вообще, а только прекрасное в *искусстве*. Поскольку слово само по себе нас не интересует, мы готовы сохранить название «эстетика», тем более что оно утвердилось в обычной речи. И все же единственное выражение, отвечающее содержанию нашей науки, это — «*философия искусства*» или, еще более определенно, — «*философия художественного творчества*».

I. Установление границ и защита эстетики

1. Прекрасное в природе и прекрасное в искусстве

Приняв указанное определение, мы тем самым сразу исключаем из нашего предмета *прекрасное в природе*. Такое ограничение может отчасти показаться произвольным — ведь принято считать, что каждая наука имеет право определять границы своей области по собственному усмотрению. Однако не в этом смысле следует понимать ограничение эстетики сферой художественно прекрасного. В обычной жизни люди привыкли говорить о *красивом* цвете, *красивом* небе, *красивой* реке, *красивых* розах, *красивых* животных и еще чаще — о *красивых* людях. Не углубляясь пока в споры о том, в какой мере допустимо приписывать подобным предметам качество прекрасного и ставить тем самым прекрасное в природе рядом с красотой

искусства, мы уже сейчас можем отметить, что художественно прекрасное *выше* природы. Ибо красота искусства является красотой, *рожденной и возрожденной на почве духа*, и насколько дух и произведения его выше природы и ее явлений, настолько же прекрасное в искусстве выше естественной красоты.

Более того: *формально* говоря, какая-нибудь жалкая выдумка, пришедшая в голову человеку, *выше* любого создания природы, ибо во всякой фантазии присутствует все же нечто духовное, присутствует свобода. Конечно, по своему *содержанию* солнце, например, является *абсолютно необходимым* моментом, а вздорная выдумка как что-то случайное и преходящее быстро исчезает. Но такой образец природного существования, как солнце, взятый с точки зрения для-себя-бытия, есть нечто безразличное, не свободное внутри себя и лишенное самосознания. Когда же мы рассматриваем солнце в его необходимой связи с другими подобными существованиями, мы не берем его с точки зрения для-себя-бытия и тем самым не рассматриваем его как нечто прекрасное.

Высказав ту общую истину, что дух и связанное с ним художественно прекрасное выше

красоты в природе, мы, разумеется, еще ничего или почти ничего не сказали, ибо «выше» — это совершенно неопределенное выражение. Оно предполагает, что прекрасное в природе и прекрасное в искусстве находятся как бы в одном и том же пространстве представления, так что между ними существует лишь количественное и, следовательно, внешнее различие. Однако *высшее* в смысле превосходства духа (и порожденной им красоты художественного произведения) над при-

« Устав от строгой силы законов и мрачной сосредоточенности мысли, мы ищем покоя и свежести жизни в художественных образах; в противовес царству теней, где правит идея, мы обращаемся к радостной, полнокровной действительности »

родой не есть чисто относительное понятие. Только дух представляет собой *истинное* как всеобъемлющее начало, и все прекрасное лишь постольку является истинно прекрасным, поскольку оно причастно высшему и рождено им. В этом смысле прекрасное в природе — только рефлекс красоты, принадлежащей духу. Здесь перед нами несовершенный, неполный тип красоты, и с точки зрения его *субстанции* он сам содержится в духе.

Прибавим к этому, что ограничение предмета эстетики прекрасным в искусстве будет вполне уместно, так как при всех разговорах о красоте природы (древние говорили об этом меньше нашего) до сих пор еще никому не пришла в голову мысль взяться за изучение предметов естественного мира под углом зрения их *красоты* и создать науку, дающую систематическое изложение этих красот. Руководствуясь точкой зрения *полезности*, создали, например, науку о предметах природы, помогающих нам в борьбе с болезнями, науку о *materia medica* — описание минералов, химических продуктов, растений и животных, полезных для лечения болезней. Но никто не объединил в одно целое и никогда не рассматривал различные царства природы с точки зрения *красоты*. Мы чувствуем, что наши представления о красоте природы слишком *неопределенны*, что в этой области мы лишены *критерия*, и потому объединение предметов природы с точки зрения красоты не имело бы особого смысла.

Эти предварительные замечания о прекрасном в природе и красоте искусства, об отношении между ними и об исключении первого из области нашего предмета в собственном смысле

необходимы для того, чтобы устранить возможное представление, будто границы эстетики зависят только от произвольного выбора, от нас самих. Взаимоотношение между двумя типами красоты еще не может быть здесь обосновано, так как рассмотрение его относится к внутреннему содержанию науки и, следовательно, подлежит более подробному разбору и доказательству лишь в дальнейшем.

2. Опровержение некоторых доводов, выдвинутых против эстетики

Сделав такое ограничение, чтобы уже на этой предварительной стадии говорить только о прекрасном в искусстве, мы тотчас же встречаем новые трудности.

Во-первых, может явиться сомнение в том, *достойно* ли художественное творчество научного анализа. Правда, искусство и красота, как добрый гений, дают себя знать во всех наших жизненных начинаниях; украшая внешний и внутренний мир человека, они придают среде, в которой мы живем, более светлый и радостный характер. Искусство смягчает серьезность обстоятельств и сложный ход действительной жизни, оно разгоняет скуку наших праздных часов, и даже там, где не может быть ничего доброго, оно по крайней мере становится на место зла, а это ведь лучше, чем зло. Но если искусство с его привлекательными формами можно найти во всем — от грубого убора